

Разговор был окончен, и оба замолчали. Наступила тишина, и теперь они не знали, о чем еще говорить.

В конце концов, тишину нарушила Гу Цаньцань:

— Сунь Вэйли... ты можешь рассказать мне о ней?

Чжан Цимин понял, что она имеет в виду. Подумав, он ответил:

— На самом деле всё просто. Мы выросли вместе, в средней школе она переехала, а потом мы снова встретились в старшей.

— Отлично, — улыбнулась Гу Цаньцань. — Поздравляю, думаю, из этого вышел бы неплохой любовный роман.

Чжан Цимин усмехнулся, ничего не ответив.

Гу Цаньцань немного помолчала, а затем спросила:

— Можно задать еще один вопрос?

— Спрашивай.

— Почему тогда, когда я призналась тебе, ты не отказал сразу?

— Там было много людей, я боялся, что ты окажешься в неловком положении... Прости, это была моя вина, я всё неправильно сделал. А потом я уже не знал, как всё объяснить, и всё тянул, пока в тот день не пошел дождь. Прости меня.

— Я не виню тебя. Спасибо, что подумал о том, чтобы сохранить моё лицо.

— Я просто понимал, что так больше продолжаться не может. Это было нехорошо и несправедливо по отношению к тебе.

— Я понимаю.

Трое подошли к повороту. Там, тихо стоя на месте, их ждала изящная девушка. Она смотрела, как они приближаются, с абсолютно спокойным выражением лица.

Гу Цаньцань встретила с ней взглядом. В их глазах не было ни вражды, ни вызова — лишь чистое любопытство. Обе девушки одновременно слегка кивнули друг другу.

Чжан Цимин повернулся к Гу Цаньцань.

Та улыбнулась и произнесла:

— Она замечательная. Что ж, прощай.

— Прощай.

Гу Цаньцань смотрела, как Чжан Цимин направляется к девушке. Она слегка повернулась и подняла голову к небу. Под лазурным небосводом ей почудился едва уловимый вздох. Казалось, будто её девичье сердце, полное ярких красок, медленно поднимается вверх, растворяясь под лучами сияющего солнца без следа, подобно вспышке фейерверка.

Какое же сегодня синее небо.

Ван Сяосяо осторожно шла рядом с Гу Цаньцань, поглядывая на подругу. Она хотела что-то сказать, но не знала, с чего начать.

Гу Цаньцань улыбнулась ей и вдруг произнесла:

— На самом деле он не такой уж легкомысленный бабник, не такой уж и подонок, правда?

— А? — Ван Сяосяо опешила, но тут же пришла в себя и проворчала: — Ты всё еще его защищаешь? Ладно, признаю, он не законченный мерзавец.

Конечно, зачем мужчинам усложнять жизнь друг другу?

— Хи-хи, пошли скорее, а то в столовой всё разберут!

— Эй, не беги! Подожди меня!

...

Проучившись два дня, Гу Цаньцань постепенно втянулась в учебный ритм. Благодаря старой базе знания возвращались быстро, и она чувствовала, что несется по пути отличницы семимильными шагами.

В тот день после уроков она вернулась домой и увидела, что во дворе стоит статная женщина средних лет и говорит по телефону. Это мама!

Родители вернулись из поездки!

Когда Гу Цаньцань вошла во двор, мама как раз закончила разговор.

— Мама! — крикнула она и бросилась к ней в объятия.

Мать охнула, но тут же со смехом отчитала её:

— Непоседа, всё такая же безрассудная, чуть с ног не сбила!

Однако глаза её светились радостью. Деньги действительно влияют на облик человека: до перерождения семья Гу жила скромно, и сейчас мать выглядела совершенно иначе, чем раньше.

— Мам, расскажи, как прошла поездка? Всё получилось? Вы правда открываете завод в Чжэцзяне?

Мать ласково погладила её по голове:

— Конечно, всё прошло отлично, даже слишком. Дай-ка я посмотрю, подросла ли наша Цаньцань, похорошела ли?

— Мам, я уже не ребенок, — Гу Цаньцань не знала, смеяться или плакать. Этот тон, которым с ней говорили как с малышкой, вызывал и легкое раздражение, и теплоту. — Я давно вышла из возраста активного роста, куда уж больше.

— Кто сказал? Есть старая поговорка: в двадцать три еще можно подрасти. Ты что, не хочешь стать выше? — подшучивала мать.

— Меня мой рост вполне устраивает, — Гу Цаньцань сейчас была метр шестьдесят восемь, что для девушки было весьма неплохо.

Ей нужно было понять текущее положение дел, поэтому она как бы невзначай спросила:

— Мам, а где папа? И как вы собираетесь налаживать производство в Чжэцзяне?

— Папа уехал на завод, дел невпроворот, вернется поздно. Мы решили инвестировать вместе с партнерами, всё заранее изучили. Будем шить шерстяные пальто, тебе всё равно не понять.

Гу Цаньцань и правда не понимала. В прошлой жизни она была творческой натурой, семья жила в достатке, и в дела она никогда не вникала. Но услышав про партнеров, она заволновалась:

— А почему с чужими людьми? Это надежно?

Мать мягко улыbnулась:

— С чего это наша Цаньцань начала беспокоиться о бизнесе? В другом регионе без местного партнера никак, иначе на одних только согласованиях разоришься.

— Но зачем ехать в Чжэцзян? Разве здесь нельзя?

— Нельзя, — вздохнула мать. — Здесь нет рабочих. Оборудование купить легко, а вот найти квалифицированный персонал — большая проблема. Всё, это не твои заботы, лучше сосредоточься на учебе.

— ... — Гу Цаньцань лишь вздохнула. Сейчас она была четырнадцатилетним подростком, да и бизнес-гением никогда не была, поэтому решила не вмешиваться в дела родителей.

Вечером был накрыт богатый стол, но отец вернулся только к десяти часам. Гу Цаньцань дождалась его, чтобы пообщаться и попытаться разузнать больше о делах. Ничего подозрительного она не заметила и решила, что для неё лучше всего просто оставаться «богатой и красивой».

Отца звали Гу Вэй — самое обычное имя, но именно своим трудом и потом он построил дом, в котором старшие и дети могли жить без забот. В этом и заключается величие обычного человека.

Видя, что дети еще не хотят спать, Гу Вэй вместе с бабушкой и дедушкой весело болтал о своем. Вдруг он хлопнул себя по лбу, вспомнив, что забыл раздать подарки. Он сказал об этом семье и пошел к машине. Гу Юйцзюн и Гу Цаньцань с интересом последовали за ним и вскоре вернулись, нагруженные пакетами и коробками, сияя от счастья.

— Папа, это тебе чай, Дахунпао.

— Хорошо, хорошо, — дедушка принял коробку, светясь от удовольствия.

— Мама, — Гу Вэй протянул ей красиво упакованную коробку, — внутри шарф из чистой шерсти. Скоро похолодает, береги себя, надевай, как выйдешь.

— Ой, хорошо, хорошо, — бабушка расплылась в улыбке.

— Пап, а мне? А мне? — засуетился Гу Юйцзюн.

Гу Вэй рассмеялся:

— Не спеши, всем хватит.

Он достал из сумки две коробочки. Белый корпус, стильный дизайн, а на нем — изображение смартфона и четыре иероглифа: «Манго Мобайл», а справа два маленьких знака: «S1».

<http://bllate.org/book/20841/2100603>